

Олег Зыков: «СПАСАТЬ НЕ ВСЕХ, А КАЖДОГО»

На вопросы главного редактора журнала В.В. Шматкова отвечает президент Российского благотворительного фонда «Нет алкоголизму и наркомании», директор Института наркологического здоровья нации Общественной палаты Российской Федерации, член Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав **О.В. ЗЫКОВ**.

— **Олег Владимирович, сейчас готовятся поправки в законодательство, связанные с введением социального патроната. Каково ваше отношение к новшествам, которые должны привести в ныне существующую практику эти поправки?**

- Когда мы с вами предварительно договаривались о встрече, я сказал, что не очень хочу обсуждать всю эту суету, которая появилась вокруг законопроекта о социальном патронате, и те контексты, которые в связи с этим возникли и не имеют совершенно никакого отношения к детям. Люди, которые сейчас начали разыгрывать эту карту, совершенно не заинтересованы в улучшении положения детей в Российской Федерации. Им на детей наплевать. Это в чистом виде политиканство. Инициаторов данной кампании интересуют только их амбиции, и они преисполнены желанием возглавить некое протестное движение и использовать его с совершенно понятной конъюнктурной целью. Они передергивают и извращают смысл социального патроната. Их комментарии не просто не профессиональные, а откровенно лживые.

Сразу оговорюсь, что наше законодательство в области опеки и попечительства, включая предлагаемый пакет поправок, мягко говоря, неидеально. Но идеальных законов в природе не бывает. Мы можем говорить о некоей эволюции в законодательстве. Кстати, меня также поражает позиция людей, которые говорят: «У нас и так все хорошо, ничего менять не надо!». Так не бывает нигде и никогда. Всегда что-то надо менять, а уж у нас - тем более. И в отношении ситуации, когда ребенок нуждается в особой опеке со стороны государства, - обязательно многое надо менять. Другое дело, что менять и как.

Что касается социального патроната, отмечу, что сегодня фактически органы опеки имеют единственный с точки зрения законодательства нормативный ресурс - отобрать ребенка. Это - плохо! Мы все время об этом говорим. Когда какие-то люди утверждают, что новое законодательство направлено на то, чтобы отнимать детей у родителей, они сознательно, я это подчеркиваю, извращают истину, передергивают суть предлагаемых норм. Новое законодательство направлено как раз на то, чтобы сократить случаи изъятия детей из семей, чтобы у опеки, помимо отобрания детей у родителей, появились другие задачи, иные нормативно закрепленные дополнительные ресурсы работы с семьями. Его цель - помочь семье сохранить детей в тот момент, когда ей еще можно в этом помочь, причем по ее собственному заявлению. Поэтому, убежден, введение социального патроната - это важный шаг в правильном направлении. Но вместо обсуждения того, какие позиции нового закона следует уточнить и конкретизировать, определенные силы объявляют закону войну под флагом борьбы с разрушением семьи в России. Они поступают подло по отношению к семьям и детям.

В равной мере это касается и проекта второго закона, который почему-то критикуется в одном пакете с поправками о деятельности органов опеки и попечительства. Я имею в виду законопроект об общественном контроле в интернатной системе. Мы все время говорим о том, что интернат - это плохо. И наши оппоненты тоже так говорят, тут наши

Разговор о важном

взгляды совпадают. Это неизбежное зло, когда детей приходится содержать в интернатах. К сожалению, полностью отказаться от интернатной системы мы не можем, но стоит задача минимизировать количество детей, находящихся в интернатах, и улучшить положение дел в данной сфере. Что в этом направлении следует предпринять? Ответ очевиден: сделать интернатную систему максимально прозрачной для профессионального взгляда. Это не должен быть ни чиновничий, ни «прекраснодушный» взгляд - как сейчас предлагают: «Давайте закрепим законодательно попечительские советы! В сиротские учреждения будут приходить люди, улыбаться, дарить детям подарки...». При чем тут это? Попечительские советы сейчас повсеместно создаются и функционируют. Для этого не требуется никакого специального закона. Законодательно надо закрепить регламент общественного контроля за интернатной системой, сделать так, чтобы администрация интернатов была обязана впустить туда профессионального человека, который заявляет свое желание, причем нормативно закрепленное, изучить обстановку в интернате и проверить работу его персонала.

Мы уже пережили процесс создания общественных наблюдательных комиссий в местах лишения свободы. Это был трудный путь, но мы его проделали. И сейчас можно с уверенностью сказать, что это успешный опыт нашей страны. На самом деле, может быть, первый системный опыт организации общественного контроля в такой чувствительной сфере, какой является пенитенциарная система.

Интернатная система - не менее чувствительная сфера, и там тоже должна быть такая же система общественного контроля. Именно контроля, а не плясок, песен, улыбок и дарения детям конфет по воскресеньям. Кто хочет, пусть это делает, но я всегда считал, что материальная поддержка интернатной системы очень часто приводит к обратному результату - к закреплению интернатной системы, увеличению в ней откровенного воровства, потому что ни для кого не секрет, что очень часто эта гуманитарная помощь там попросту разворовывается. Если уж мы хотим привезти в интернат конфеты, то параллельно должны работать механизмы общественного контроля за тем, куда эти конфеты потом денутся, кто их съест - дети-сироты или кухарки, которые эти конфеты украдут. Сегодня все это абсолютно не сбалансировано.

Не хотел делать эти комментарии, но не удержался, потому что люди врут - причем истерично, надрывно, с пеной у рта. Нельзя так врать, это просто неприлично.

- За границей участились случаи изъятия детей из семей от смешанных браков, в которых мамы - из России. Например, такое нередко происходит в Финляндии. Что скажете об этом?

- В Финляндии, если соответствующие местные органы находят на то причины, изымают детей и из чисто финских, и из финско-русских семей. Не надо лезть со своим уставом в чужой монастырь. Если вам так не нравится Финляндия, то не надо со своими детьми туда ездить и тем более - там жить. У финского народа другая ментальность, другие законы, порядки и правила. У

нас бить детей - норма, а у них этого делать нельзя. И что здесь сравнивать? И при этом понятно, что каждый случай отобрания ребенка требует профессионального рассмотрения.

- Наверное, все, что касается участия государства в семейно-детской сфере, требует профессионализма и ответственности.

- В чем мы концептуально расходимся с нашими оппонентами, которые не хотят развивать систему защиты прав детей в России? Мы говорим о том, что каждый случай неблагополучия ребенка, выразившийся в том, что ребенок вступил в конфликт с законом, - уникален, поскольку каждая семья - уникальна и каждый ребенок - уникален. Какой из этого следует вывод? Что такой ребенок требует к себе профессионального отношения со стороны судебной системы, что необходима специализация судебной процедуры. Суд должен быть профессиональным. И здесь тоже усматривается прямой обман, когда говорят, что в отношении детей-правонарушителей мы призываем ввести какое-то мягкое законодательство. Это же ложь! Мы утверждаем обратное, что именно безнаказанность провоцирует ребенка на совершение правонарушений. Ведь сейчас 70 процентов наказаний, выносимых судами в отношении детей, носят условный характер. Причем эти наказания не насыщены реабилитационным содержанием. Вот она - истинная безнаказанность! Мы же хотим, чтобы ребенок содержательно ответил за свои поступки, деятельно раскаялся в содеянном, чего требует и законодательство. Именно этого мы добиваемся. Мы против того, чтобы в отношении детей-правонарушителей автоматически смягчалось наказание, поскольку оно у нас и так чересчур мягкое. Другое дело, в иных случаях это наказание оказывается избирательно подлым. Например, ребенка несколько раз осуждают к условным мерам наказания, но, в конце концов, он совершает особо тяжкое преступление, убийство, и его на долгие годы отправляют за решетку. А эти люди утверждают, что в отношении детей-правонарушителей мы хотим наказание упростить, сделать более мягким. Ничего подобного, речь идет совсем о другом.

В полной мере это касается и ситуации с изъятием детей, когда суд принимает такое решение. Это сегодня суд в 90 процентах случаев, а именно такая практика сложилась в некоторых территориях, механически соглашается с мнением опеки об изъятии детей из семьи, вынося соответствующее решение. Подобное происходит потому, что суд - не специализированный, и он не хочет вдаваться во все нюансы дела о лишении родительских прав и учитывать те последствия, которые наступят для ребенка и семьи в результате принятия такого решения. У суда на самом деле просто нет такой задачи - привлекать к судебному процессу дополнительных специалистов, нет соответствующего ресурса. Вот и получается, что органы опеки нередко производят действия не в интересах семьи, а, наоборот, - разрушающие семью. С моей точки зрения, это в чистом виде произвол, который, в конечном итоге, закрепляется судебным решением. Суд, должным образом не разбираясь в деле, соглашается с тем, что для него готовят органы опеки. А готовят

Разговор о важном

они постановление об изъятии ребенка - у них-то другого инструмента работы с семьей нет.

Мы вновь вернулись к тому, с чего начали беседу. Законодатель не предусмотрел такую задачу органов опеки, как сохранение семьи, оказание ей в этом помощи и поддержки. В законопроекте о социальном патронате есть замечательная формулировка, что он в отношении семьи может осуществляться по ее личному заявлению. То есть речь идет не о какой-то насильственной помощи, а о помощи, которую семья должна сама попросить. Кто-то скажет: «Семья помощи не попросит - и тогда ребенка из семьи изымут». Да, изымут, если ребенок окажется в ситуации, когда его жизни будет угрожать опасность. Так ведь не надо до этого доводить...

Нужен специализированный суд, у которого прописанной задачей должно быть сохранение семьи. Это следует сделать нормой закона. У нас же подобное только декларируется, но механизмов реализации этого нет. Зато есть механизм функционирования органов опеки, который Б.Л. Альтшулер образно назвал «Россиротпромом», и непрофессиональная деятельность суда, который по представлениям означенных органов автоматически штампует решения о лишении родительских прав и изъятии детей из семей. Но очень часто это не вина суда, а его беда. Когда мы собирали в Общественной палате судей, они сами с большим сожалением об этом говорили.

- Конечно, тут ситуация далека от того, чтобы считать ее благополучной. Но судебные инстанции, наверное, и сами заинтересованы в том, чтобы изменить ее к лучшему. Ведь нашел же Верховный Суд ресурсы для того, чтобы упорядочить судебную практику применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, приняв на своем Пленуме соответствующее Постановление.

- Да, за последнее время в судопроизводстве в отношении несовершеннолетних правонарушителей многое изменилось к лучшему. Есть специализация судебной процедуры, индивидуализация программы реабилитации правонарушителей-подростков, обязательность частного постановления суда - мощнейший профилактический механизм судебного решения, когда суд анализирует, почему ребенок совершил правонарушение. Всего этого удалось добиться, поскольку Постановлением Пленума Верховного суда от 1 февраля 2011 года, о котором вы говорите, это закреплено в качестве нормы деятельности судов. Когда вышло данное Постановление, я посчитал, что моя личная общественная функция в дальнейшем продвижении процессов ювенального судопроизводства исчерпана.

- То есть сейчас вы не ставите перед собой цель заниматься продвижением идеи развития в стране ювенального судопроизводства. Какие же направления общественной деятельности для вас являются приоритетными в настоящее время?

- Теперь я хочу целиком и полностью сосредоточиться на своей профессиональной деятельности. Для этого сложились очень благоприятные условия. Кстати, мои оппоненты меня очень часто упрекали в том, что, не

будучи юристом, я занимаюсь вопросами ювенальной юстиции. Будем считать, что они меня уговорили, и как врач-нарколог я вплотную займусь проблемами наркологии.

- Когда вы говорите о «благоприятных условиях», то, наверное, имеете в виду то, что при Общественной палате, членом которой вы были три срока подряд, образован Институт наркологического здоровья нации, директором которого вы назначены?

- Да, мне доверено руководить этим структурным подразделением Общественной палаты. Назначение Общественной палаты - быть органом, который призван обеспечивать публичность. Ведь проблемы нашего общества нельзя решать путем наращивания контрольных функций. Мы это постоянно наблюдаем: как только появляется какой-то новый «контролер», он тут же коррумпируется. Единственный способ преодоления коррупции, других негативных явлений - создание прозрачности принятия решений, а также механизмов, в результате действия которых заинтересованная часть общества может этой «прозрачностью» воспользоваться. В моем понимании, Общественная палата - как раз тот орган, который и должен обеспечивать данную технологию. При организации в структуре Общественной палаты Института наркологического здоровья нации преследовалась цель, чтобы в этой, достаточно острой для нашего общества, проблематике появились публичность и прозрачность, начала работать профессиональная системная площадка для обсуждения проблем наркологии - куда же все-таки мы движемся. Наш Институт призван добиваться того, чтобы уже существующие в регионах страны прогрессивные технологии работы с наркозависимыми людьми стали нормой жизни всей нашей наркологии как отрасли медицины.

Второго ноября прошлого года в Общественной палате мы провели презентацию таких технологий. На нее пригласили министра здравоохранения Веронику Игоревну Скворцову - с моей точки зрения, очень профессионального и технологичного специалиста и руководителя, в отличие от предыдущего руководства - крайне нетехнологичного и очень непрофессионального. По этой причине, кстати, я не занимался реформой наркологии, потому что прежнему высокому начальству невозможно было ничего доказать и его нельзя было ни в чем убедить. Мы встречали поддержку на низовом уровне, но продвигать вопросы развития наркологии наверху у нас не получалось. Сейчас такая возможность есть.

С большим удовлетворением вспоминаю эпизод конца 2011 года, когда мне довелось докладывать Концепцию правовой наркологии на заседании Правительственной комиссии по профилактике правонарушений. Моим содокладчиком от Минздравсоцразвития была В.И. Скворцова - в то время заместитель министра. Вероника Игоревна - человек глубокий, эрудированный, понимающий проблемы наркологии. У меня была возможность в публичном режиме обсуждать с ней эту проблематику. Я считаю, что презентация в Общественной палате явилась еще одним этапом в развитии эффективных технологий, осуществляемых в русле концепции правовой наркологии.

Разговор о важном

гии. Мы презентовали шесть монографий, посвященных этим технологиям. Все они укладываются в ту логику, которую мы заявили изначально: что основная задача - это формирование политики снижения спроса на психоактивные вещества, а если говорить более конкретно - на разрушительное поведение.

Есть три уровня профилактики. Работа с «группами риска», чем я до этого занимался, укладывается в идеи вторичной профилактики. Существует первичная профилактика, связанная с идеями внедрения здорового образа жизни. Мы разработали Концепцию позитивного большинства. Надо не бегать по школам с рассказами о вреде наркотиков, что на самом деле является прямой пропагандой их употребления, а создавать технологии развития личности ребенка, границы самоутверждения и самоуважения ребенка. Если ребенок как личность научится говорить «нет!», он скажет «нет!» и наркотикам. Только он скажет «нет!» не на плакате, а в жизни. Это что касается первичной профилактики. А если говорить о реабилитации, третичной профилактике, то это - развитие групп самопомощи, создание специальных программ, вовлекающих людей в мир выздоровления, разработка стандартов реабилитации.

В этой связи хочу сказать еще вот о чем. Недавно закончился судебный процесс над членами организации с красивым названием «Преображение России». Эти деятели под флагом спасения нации занимались собственным обогащением, используя рабский труд попавших в их полную зависимость маргинальных групп населения. На улицах красовались плакаты с рекламой организации «Преображение России», открывшей 350 центров по всей стране. Вы думаете, они закрылись? Ничего подобного. Всего лишь поменяли вывеску, и сейчас эта организация носит название «Инициатива». Хорошо то, что население теперь понимает: за подобными организациями, кроме преступников, никто не стоит.

- Известно, что изоляцией от общества и от наркотиков наркомана не вылечить. Я хорошо знаю пенитенциарную систему, много лет в ней проработал. Мне доводилось бывать в лечебных исправительных учреждениях, в которых содержатся осужденные наркоманы. Понятное дело, пока там находятся, они не употребляют наркотики. Однако для того, чтобы не быть наркоманом, этого мало. Надо отказаться от наркотиков не по принуждению, а самостоятельно принять решение их не принимать. Ни одни колонийский врач, с кем мне доводилось разговаривать, не давал гарантии в том, что его пациент, не употреблявший наркотики, скажем, пять и даже более лет, выйдя на свободу, вновь не станет это делать.

- Конечно. Потому что только в открытом мире есть конкуренция идей, и человек может выбрать ту идею, следуя которой, он может жить, развиваться и социализироваться. Потому что ключевая идея реабилитации - это социализация, а не изоляция. Поэтому любые рекламы всевозможных реабилитационных центров, типа того, что, мол, мы в горах Тянь-Шаня вставим вам новые мозги, - это чистой воды обман и фальсификация. И вообще

надо сказать, что в основном вся наша наркология - это обман, основанный на желании обобрать попавших в наркологическую зависимость людей, их родственников, высосать все, что у них есть, и выбросить их на улицу.

- И что в такой ситуации надо делать?

- Прежде всего - надо перестать заниматься политиканством. Наркология - такая область здравоохранения, которая достаточно далеко выходит за рамки здравоохранения. И именно это обстоятельство провоцирует людей на то, чтобы заниматься демагогией, не понимая сути вещей. Непрофессиональные, а часто просто невежественные люди поднимаются на трибуну и начинают с пафосом рассуждать на эти темы, призывать к спасению нации. И против таких пустопорожних разговоров трудно что-либо возразить. Взять, к примеру, меня. Я разве против того, чтобы нация оздоровилась? Нет, я за это. Но для себя я избрал такую формулу: надо прекращать «спасать нацию» и начинать помогать конкретным людям в конкретной жизненной ситуации - спасать не всех, а каждого. Другое дело, что, в отличие от пустой болтовни, это труд в поте лица. Ведь забраться на трибуну и выкрикивать с нее лозунги легко. Это совсем не то, что заниматься решением конкретных задач. Дело, которым занимаюсь я, всегда было направлено на создание конкретного механизма, который помогает конкретному человеку в конкретной жизненной ситуации.

В психологии, психиатрии есть такое понятие - «резильентность». Это удивительная вещь. Человек живет и не думает о смысле жизни, у него условно все хорошо. Но вдруг однажды он попадает в какую-то тяжелую, трагическую ситуацию - например, становится жертвой автомобильной аварии или тяжело заболевает. Именно в таком положении человек начинает демонстрировать удивительную способность к саморазвитию, поиску себя в этом мире. Мы это наблюдаем на многих примерах из жизни. Взять хотя бы людей, которые, пережив физическую боль и душевные страдания, получив посттравматическое увечье, становятся чемпионами паралимпийских игр; или людей, которые, став инвалидами, вновь обретают себя в том, что начинают помогать другим инвалидам. Такие люди начинают осознавать свою новую роль в этой жизни.

В наркологии мы видим, как люди, имеющие опыт собственного выздоровления от алкоголизма или наркомании, приобретают дополнительные специальные знания и становятся профессиональными участниками наркологического процесса. Сами эти люди говорят, что если бы они не дошли до какого-то своего предела, до какого-то своего дна, то никогда бы не переосмыслили свою жизнь. Иногда алкоголизм становится поводом для подобного переосмысления. И, наблюдая таких людей, я им искренне завидую, потому что в моей жизни такой трагедии не случилось, и я не могу пережить и перечувствовать то, что пережили и перечувствовали они, и придти к какому-то совершенно новому состоянию. И я вижу, как эти люди демонстрируют удивительную волю, удивительную способность к тому, чтобы переустроить и себя, и окружающий мир. Далек не каждый из нас спо-

Разговор о важном

собен на такое. Вот это и называется резильентностью.

Когда мы начинаем за человека решать его проблемы, мы тем самым убиваем его резильентность. Это касается, кстати, всех ситуаций, любой социальной сферы - в том числе и семьи, когда мы за семью начинаем решать ее проблемы. Опять-таки наши оппоненты говорят, что в поправках к закону о социальном патронате не прописана материальная составляющая помощи семьям. Но материальная помощь - это в 25-ю очередь. Потому что от посещений неблагополучной семьи только с той целью, чтобы передать ей деньги, нет никакого толку. Семья эти деньги пропьет, и лучше от этого никому не будет. Всем известна словомыслие, что голодным людям, живущим на берегу реки, надо дать не рыбу, а сеть. Но у этого словомыслия есть и продолжение: сеть голодным дать хорошо, но еще лучше - научить их разводить рыбу в прудах. То есть речь уже идет о создании среды для производства пищи. И в жизни мы видим людей, которые не просто меняются сами, научившись «ловить рыбу», но и начинают менять среду вокруг себя. И в эту среду втягиваются все больше единомышленников, которые, в свою очередь, привлекают в нее других людей. В моем понимании, это и есть то, что называется «гражданским обществом», и такое гражданское общество - не демагогическое, не отвлеченное, а действенное.

Самый яркий пример развития гражданского общества - это лечебная субкультура групп самопомощи. Мы с вами сейчас находимся и беседуем в здании Наркологического диспансера № 12, расположенном по адресу: улица Шверника, дом 10 а. Здесь в октябре 1992 года собралась первая в России группа анонимных наркоманов. С тех пор прошло двадцать лет, и теперь работа групп самопомощи - норма жизни любого крупного города. Для обсуждения и решения своих проблем вместе собираются не только наркоманы, алкоголики, игроманы, но и люди, страдающие другими зависимостями и комплексами, люди, переживающие депрессию, иные тяжелые состояния, а также их родственники.

Любая проблема, которая мешает человеку жить, может решаться через его общение с себе подобными по определенной технологии, которая называется «12 шагов». Задача таких, как я, профессионалов заключается в том, чтобы объяснить обществу, что есть такая технология и что она может эффективно работать. На этом пути тоже было много споров, и меня обвиняли бог знает в чем. Да и сегодня еще мне говорят, мол, нам это не подходит, потому что у нас другая ментальность. Почему взаимопомощь не подходит для нашей ментальности? Ведь нашему народу испокон веку были присущи соборность, общинность, коллективизм. Многие свои проблемы люди привыкли решать сообща, проявляя сочувствие друг к другу и понимание общих для них нужд и потребностей. Именно в нашей ментальности проявлялась готовность жалеть юродивого, заключенного. Прежде существовала традиция, даже норма жизни - сопереживать человеку, которому плохо. Сейчас этого нет или почти нет, но утраченное надо восполнять. И это можно делать, помогая тем людям, которые хотят

решать свои собственные проблемы через общение с себе подобными, создавая для этого условия. Есть группы взаимопомощи анонимных игроманов, сексоголиков, обжор... Если для людей актуальны какие-то их личностные проблемы, они объединяются в группы самопомощи, чтобы в общении с себе подобными их преодолеть.

- Но для организации работы таких групп самопомощи, наверное, требуются специалисты - врачи-психиатры, наркологи, психологи?

- Совсем не обязательно. Там происходит самоорганизация. Так, анонимные алкоголики уже давно создали свой фонд обслуживания анонимных алкоголиков, который функционирует как юридическое лицо. Потрясающе стало развиваться общество анонимных наркоманов. Как можно, не прибегая к насильственным мерам, рассказать наркоману о том, что есть мир излечения от этого пагубного пристрастия? В ряде городов, например, в Москве, Владивостоке, нашли способ решения такой проблемы. О том, что есть такой мир, и о том, как найти к нему дорогу, наркоманы узнают там, где они нередко эти самые наркотики берут, а именно - в аптеках. Перед окошками касс в аптеках устанавливаются коробочки, в которые помещаются карточки, наподобие визитных, с информацией о работе группы анонимных наркоманов на территории города. Практика показывает, что только в Москве сейчас в месяц оказываются востребованными порядка 60 тысяч таких карточек. Это говорит о том, что люди, страдающие наркоманией, а также их родственники проявляют немалый интерес к такой форме преодоления наркотической зависимости, как участие в работе групп самопомощи анонимных наркоманов. Ведь разговоры о том, что наркоманы не хотят лечиться - это вранье. За тридцать лет работы врачом-наркологом я не видел ни одного наркомана, который в разные периоды своей жизни не хотел бы прекратить употреблять наркотики. Понятно, что профессиональная задача специалиста нашего профиля - «зацепить» его в этот момент, когда у него есть желание и готовность что-то поменять в своей жизни. Но готовность эта у него очень слабая, потому что он зависит от химического вещества, он зависит от социума. А известно, что любая патологическая зависимость является сложнейшим психологическим состоянием - то, что мы называем «био-психо-социодуховная зависимость». То есть там сосредоточено все, что составляет суть человеческого бытия. Человеку надо менять все компоненты своей жизни - и биологический, и психологический, и социальный, и духовный. Но мы уже говорили о том, что когда мы пытаемся за человека изменить его жизнь, то ничего хорошего из этого не получается. Кроме того, мы вступаем с этим человеком в созависимые отношения. А это гарантированный провал наших усилий.

Мы часто наблюдаем такую ситуацию в семьях наркоманов, когда близкие люди, окружающие наркоманов - матери, отцы, жены и другие родственники, - пытаются решать за них их проблемы и вступают с ними в созависимые отношения. Они начинают сходить с ума, но при этом наркоман не выздоравливает. У него-то для

ф

ф

Разговор о важном

этого нет никакого ресурса и нет желания меняться. Его никто к этому не подталкивает. Его резильентность не развивается, а наоборот, уничтожается. Все его проблемы за него решает кто-то: он попадает в милицию - его оттуда забирают. Когда у него начинается ломка - ему покупают наркотики. Мы подобное наблюдаем часто. При этом мы-то хорошо знаем, что наркоманы от ломки не умирают. Умирают от передозировки, от «грязных» наркотиков. На фоне этих ломок наркоман начинает разыгрывать свои игрища, устраивает «театр одного актера». На ближнее окружение это действует, и в такой ситуации оно готово на все, даже на трагические, уголовно наказуемые действия. При этом родственники наркомана могут выступать в разных ипостасях - в ролях жертвы, преследователя, спасителя, но это все невротические маски. Вот как научить родственника построить с наркоманом такие отношения, при которых близкий их человек начнет выздоравливать? Как раз с этой целью и создаются группы самопомощи для родственников алкоголиков, наркоманов, игроманов.

- Олег Владимирович, к вам вопрос как к специалисту-наркологу. Природа химических и нехимических аддикций - зависимости, скажем, от алкоголя, наркотиков и от игр, секса - одинаковая или разная?

- Ферментативная основа у всех видов зависимости одна и та же. Все одновременно и очень просто, и очень сложно. Человеку нужно ощущать состояние счастья. Или он, в силу своих воспитания, образования, культуры, испытывает счастье, читая сонеты Шекспира или сам занимаясь творчеством, спортом, каким-то любимым делом; или он, не имея естественных внутренних ресурсов, получает счастье искусственным путем, скажем, вводя в вену наркотик. Почему так легко возникает зависимость от морфия? Потому что морфий по химическому составу напоминает нейромедиатор, который передает нервные импульсы через нервные окончания. И получается, что наркоман получает счастье, не затрачивая никакой своей энергии - ни психической, ни физической. Организм это запоминает, и отказаться от морфия ему потом бывает уже сложно. Такова схема получения любого суррогатного счастья. Ведь игроман бывает счастливым не от выигрыша, а от процесса игры. Именно в тот момент, когда бросает в игровой автомат деньги и автомат включается, игрок переживает эмоциональный взрыв и получает свой кусок счастья. Кому-то для того, чтобы стать счастливым, надо прыгнуть с парашютом, кому-то - нырнуть с аквалангом... У каждого свои способы и возможности получения счастья.

- В те же группы самопомощи приходят взрослые люди. Но среди наркоманов есть и несовершеннолетние. Как быть с ними?

- Ведется много разговоров на тему того, что наркомания молодеет. Но все дело в том, что у детей стало больше проблем. Те подростки, которых нередко причисляют к наркоманам, во многих случаях таковыми не являются. Ребенку плохо - и он пытается доступным для него способом, который предложил ему микросоциум, уйти от своих проблем. Это может быть нюханье клея

или пережимание сонной артерии. ФСКН сейчас начинает борьбу с потреблением подростками и молодежью закиси азота.

Я согласен с тем, что в отношении людей, которые продают закись азота не для медицинских или технических нужд, надо принимать карательные меры. Кстати, для этого не нужно в уголовное законодательство вводить какую-то новую норму, потому что в УК РФ есть 238-я статья, которая устанавливает уголовную ответственность за сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей. При этом самое нелепое - это пытаться вводить закись азота, и заодно всю остальную, окружающую нас химическую природу, в перечень веществ, недопущенных к употреблению в немедицинских целях. В перечень прекурсоров (вещества, которые используются в приготовлении наркотиков) уже пытались ввести толуол как растворитель. Но тогда следует арестовать весь Мосводоканал на том основании, что вода - лучший растворитель! Но и газом из зажигалок травятся дети. Давайте закроем Газпром и запретим газ!

- Действительно, парадокс. Что, по вашему мнению, надо сделать, чтобы здравый смысл все же восторжествовал? Я имею в виду не только методы борьбы с незаконным оборотом наркотиков и немедицинским их потреблением, но и с решением проблем семейно-детской сферы, с чего, собственно, и начался наш разговор.

- Мне кажется, что рецепт тут один: широкое обсуждение проблем, с которыми сталкивается наше общество. В этом смысле я должен даже поблагодарить людей, выступающих против законопроектов о социальном патронате и общественном контроле в интернатной системе. Потому что это хороший повод устроить публичную дискуссию и доказать неправоту наших оппонентов, несправедливость и необъективность их аргументации.

Часто употребляемая противниками социального патроната фраза: «У вас отберут детей!» - действует на людей на уровне подсознания. Многие граждане законов не читают, не пытаются в них вдуматься, и на такие заявления они реагируют тоже на уровне подсознания, чисто биологически. Конечно, они против того, чтобы у них отобрали детей. Но никто из инициаторов законопроектов этого делать и не собирается. В то же время сейчас детей у родителей отнимают, причем очень много, недопустимо много, по 50-70 тысяч в год. Антиювеналисты обвиняют в ювенальном беспределе Францию, но в этой стране окончательно отбирают у родителей 300-400 детей в год. Там есть процедура временного изъятия детей из семей, в соответствии с которой после улучшения обстановки в семье ребенок туда возвращается. У нас же сейчас такое практически не делается, но с принятием законопроекта о социальном патронате должно появиться. Лично я не хочу, чтобы у нас в стране отнимали детей у родителей без крайней необходимости, связанной с реальной угрозой для самой жизни ребенка, и делаю все для того, чтобы этого не было.